

Л. Дейч

16 лет в Сибири

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Дейч**
16 лет в Сибири / Л. Дейч – М.: Книга по Требованию, 2014. – 338 с.

ISBN 978-5-458-52469-8

ISBN 978-5-458-52469-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

послѣдствія, которыя вызоветь этотъ отказъ въ отношеніяхъ Германской имперіи и Россіи⁴.

Изъ этихъ государственныхъ актовъ, приведенныхъ столь компетентнымъ лицомъ, какъ теперешній германскій канцлеръ, ясно, что я явился жертвой угодничества кн. Бисмарка предъ Александромъ III. Но печальнѣе всего то, что столь унижительная для Германіи политика не прекращается и до настоящаго момента. По собственному признанію, сдѣланному гр. Буловымъ въ томъ же засѣданіи рейхстага, „въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ только (1) три русскихъ нигилиста были изгнаны на русскую границу“. Но читающій міръ знаетъ значительно больше случаевъ всякаго рода возмутительнаго издѣвательства германскихъ властей, изъ лакейскихъ соображеній, надъ русскими, такъ или иначе попадающими имъ подъ руку.

Истекшія, со времени выдачи меня 20 слишкомъ лѣтъ, въ этомъ отношеніи не произвели рѣшительно никакого измѣненія въ политикѣ германскаго правительства. Но, полагаю, теперь уже близокъ часъ, когда положенъ будетъ конецъ столь недостойному поведенію этого правительства: происходящее въ настоящее время у насъ революціонное броженіе несомнѣнно закончится паденіемъ самодержавія, и русскій царь перестанетъ играть роль „европейскаго жандарма“. Тогда, можно надѣяться, измѣнится также внутренняя и внѣшняя политика Германіи.

Въ настоящемъ изданіи мои записки появляются въ сильно измѣненномъ видѣ, по сравненію съ вышедшими, изданіями ихъ на иностранныхъ языкахъ¹⁾: между тѣмъ какъ первая часть — до прихода на Кару — здѣсь нѣсколько сокращена, вторая — до выхода изъ тюрьмы, — наоборотъ, значительно дополнена. Кромѣ соображенія о различіи, существующемъ между интересами русскаго и иностраннаго чигателя къ тѣмъ или инымъ лицамъ и фактамъ, — причиной сдѣланныхъ мною здѣсь добавленій

¹⁾ Англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, голландскомъ и польскомъ; печатаются и скоро выйдутъ на италіанскомъ и болгарскомъ яз.

послужило отчасти то, что я сравнительно недавно получилъ чрезвычайно цѣнную рукопись, касающуюся жизни на Карѣ: къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, пока не возможно ее цѣликомъ опубликовать.

Въ видѣ приложенія въ концѣ книги я помѣщаю приеланный мнѣ этимъ же лицомъ списокъ всѣхъ каторжанъ, бывшихъ на Карѣ, а также добровольно за нѣкоторыми изъ нихъ послѣдовавшихъ туда родственниковъ. Едва-ли нужно распространяться о томъ, что, не смотря на свою неполноту, эти списки, являющіеся коллективнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ, могутъ оказаться цѣннымъ матеріаломъ для исторіи нашего революціоннаго движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Въ заключеніе, замѣчу, что, во избѣжаніе недоразумѣній, я счелъ нужнымъ озаглавить эти записки не такъ, какъ былъ мною названъ первый выпускъ, а такъ, какъ они извѣстны на иностранныхъ языкахъ.

Левъ Дейчъ.

Женева. 28 (15) декабря 1904 г

Поѣздка въ Германію. — Изъ революціоннаго прошлаго. — Причина ареста.

Въ началѣ марта 1884 года я изъ Цюриха черезъ Базель поѣхалъ во Фрейбургъ Великаго Герцогства Баденскаго. Оттуда мнѣ необходимо было отправить контрабанднымъ путемъ въ Россію нѣсколько пудовъ разныхъ русскихъ социалистическихъ изданій, напечатанныхъ въ Швейцаріи и, конечно, запрещенныхъ въ Россіи.

Въ Германіи тогда дѣйствовалъ исключительный законъ противъ социалистовъ; поэтому, центральный органъ нѣмецкой рабочей партіи, „Der Sozialdemokrat“, печатался въ Цюрихѣ и также контрабанднымъ путемъ перевозился въ Германію. Надзоръ на швейцарско-германской границѣ былъ чрезвычайно усиленъ, что крайне затрудняло доставку и въ Россію печатавшихся въ Швейцаріи русскихъ, польскихъ и другихъ произведеній. Поэтому, лица, желавшія отправить такія произведенія въ Россію, должны были сами перевозить ихъ въ своемъ багажѣ черезъ швейцарско-германскую границу до какого-нибудь нѣмецкаго города. То же намѣренъ былъ сдѣлать и я тогда.

Я везъ съ собою въ багажѣ два большихъ ящика; до половины они были заняты книгами, сверху которыхъ, для устранения подозрѣнія со стороны пограничнаго таможеннаго надзора, въ одномъ лежало мужское, а въ другомъ женское бѣлье и платье, какъ бы принадлежавшія моей женѣ. Для этого, при осмотрѣ вещей въ базельской таможнѣ, присутствовала жена моего друга Аксельрода, пріѣхавшая вмѣстѣ со мною изъ Цюриха. Кромѣ Надежды Аксельродъ, меня провожалъ на вокзалъ знакомый базельскій социалистъ; онъ объяснилъ мнѣ, какъ, пріѣхавъ въ Германію, нужно отправить дальше привезенныя изданія, такъ какъ всего за нѣсколько дней до моей поѣздки, онъ, по моей рекомендаціи, самъ сопровождалъ одного моего знакомаго, поляка-социалиста Яблонскаго во Фрейбургъ, откуда они вмѣстѣ отправили куда-то транспортъ польскихъ изданій.

Попрощавшись съ провожавшими меня лицами и узнавши отъ швейцарца-социалиста названіе дешевой и недалеко отъ вокзала находящейся гостинницы во Фрейбургѣ, я сѣлъ въ первый попавшійся вагонъ 3-го класса.

Было воскресенье, и вагонъ оказался биткомъ набитымъ веселой, празднично настроенной публикой; раздавались пѣсни и крики. Показался кондукторъ, который былъ ужасно грубъ и нахаленъ, какъ это нерѣдко тогда случалось на германскихъ

желѣзныхъ дорогахъ. Увидѣвъ у меня въ зубахъ папиросу, онъ дерзко закричалъ на меня, что это вагонъ для некурящихъ. Я вѣжливо объяснилъ ему, что второпяхъ не замѣтилъ этого и, тутъ же бросивъ папиросу, обѣщаль не курить, такъ какъ мнѣ недалеко ѣхать. Но онъ грубо потащилъ меня въ другой вагонъ. „Дурная примѣта!“ — помню, мысленно произнесъ я по поводу этого инцидента. На душѣ у меня было неспокойно, тоскливо; что-то ныло, щемило. Къ тому же погода весь день стояла пасмурная; небо было покрыто тучами; шелъ мелкій дождь, а въ такихъ случаяхъ у меня, какъ и у многихъ людей, настроеніе — не изъ веселыхъ.

Поѣздъ тронулся и, погруженный въ грустныя думы, я не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали во Фрейбургъ. Было часовъ 7-8 вечера. Вышедши на дебаркадеръ, я обратился къ первому попавшемуся портье съ вопросомъ, кто изъ нихъ изъ „Freiburgerhof“. Оказалось, что вопрошаемый и былъ таковымъ. Я отдалъ ему свой ручной багажъ и квитанцію на полученіе двухъ моихъ ящичковъ. Посмотрѣвъ на обозначенный въ ней вѣсъ, онъ выразилъ удивленіе по поводу его размѣра. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, я спокойно сказалъ, что это у меня много учебныхъ книгъ, такъ какъ я студентъ и пріѣхалъ во Фрейбургъ къ весеннему семестру.

Названная гостинница дѣйствительно оказалась близко отъ вокзала. Занявъ номеръ, я спустился въ ресторанъ поужинать. Когда я проходилъ мимо буфета, за которымъ стоялъ, повидимому, самъ хозяинъ, я замѣтилъ, что приведшій меня съ вокзала служитель о чемъ-то съ нимъ шептался. Не успѣлъ я докончить ужина, какъ ко мнѣ подошла кельнерша съ книгой для записи проезжающихъ. У меня былъ съ собою русскій заграничный паспортъ, взятый мною у одного товарища; поэтому, я записался Александромъ Булыгинымъ изъ Москвы.

Послѣ ужина я приказалъ подать себѣ въ номеръ письменныя принадлежности и самъ отправился туда. Но лишь только, очутившись въ номерѣ, я затворилъ за собою дверь, какъ немедленно же раздавался въ нее стукъ. На мое „herein!“ вмѣсто прислуги съ заказанными принадлежностями для письма, какъ я ожидалъ, къ большому моему удивленію, на порогѣ показался полицейскій, въ сопровожденіи какого то штатскаго господина.

— Я агентъ тайной полиціи, отрекомендовался мнѣ послѣдній, позвольте осмотрѣть, что у васъ имѣется въ ящикахъ.

Такъ какъ Фрейбургъ находится вблизи швейцарской границы, то полиція, узнавъ отъ портье гостинницы о пріѣздѣ молодого человѣка съ тяжелыми ящиками, могла заподозрѣть, что въ нихъ имѣются какія-нибудь контрабандныя вещи, а то и того хуже, что я анархистъ и привезъ динамитъ. Сдѣлавъ мысленно такое предположеніе, я постарался, насколько это было

возможно, принять самый спокойный видъ. Начавъ отпирать сундуки, я какъ бы вскользь объяснилъ, что въ нихъ лежатъ вещи моей жены, которая также должна сюда прѣхать.

Лишь только я открылъ одинъ ящикъ, какъ тотчасъ же оказалось, что мое предположеніе о причинѣ прихода ко мнѣ полиціи было ошибочно: сыщикъ очевидно искалъ не контрабанды и не динамита, а именно книги. Тогда я подумалъ, что у меня ищутъ нѣмецкія соціалъдемократическія изданія. Тѣмъ сильнѣе, поэтому, было мое удивленіе, когда, увидѣвъ одну небольшую въ красной обложкѣ книжку, агентъ воскликнулъ: „вотъ это намъ и нужно!“.

То былъ „Календарь Народной Воли“, книжка, вышедшая за годъ передъ тѣмъ и свободно продававшаяся въ книжныхъ магазинахъ Германіи.

— Теперь я долженъ васъ лично обыскать, заявилъ мнѣ за тѣмъ агентъ.

Кромѣ записной книжки, одного письма и бумажника съ нѣсколькими стами марокъ, у меня въ карманахъ было еще съ десятокъ номеровъ цюрихскаго „Sozialdemokrat“а; я захватилъ ихъ передъ отъѣздомъ, чтобы передать ихъ въ Германіи одному русскому знакомому.

— А вотъ это мы и читать можемъ! съ радостью воскликнулъ агентъ, увидѣвъ названіе газеты, теперь я васъ арестую, закончилъ онъ.

— Почему? За что? спросилъ я пораженный.

— Тамъ узнаете, слѣдуйте за мною! грубо возразилъ онъ.

Обыскъ у меня и мой арестъ были произведены въ высшей степени страннымъ образомъ: не соблюдены были даже самыя элементарныя правила и гарантіи неприкосновенности личности: мнѣ не предъявлено было рѣшительно никакой бумажки отъ судьи или какого-либо административнаго учрежденія, не присутствовали никакіе свидѣтели, не составлено было никакого акта о томъ, что у меня было найдено. Мнѣ, напримѣръ, самому пришлось настоять, чтобы полицейскіе при мнѣ сосчитали находившіяся въ отнятомъ ими бумажникѣ деньги, хотя это, конечно, служило плохой гарантіей цѣлости принадлежавшаго мнѣ имущества.

Когда я съ арестовавшими меня лицами спускался съ лестницы, по ней въ это время поднималась вверхъ какая-то молодая женщина съ небольшимъ ручнымъ саквояжемъ въ рукѣ. Агентъ спросилъ меня, не моя ли это жена? Хотя я отвѣтилъ отрицательно, но онъ все же попытался задержать ее. Вѣроятно заподозривъ въ немъ ловеласа, молодая женщина съ крикомъ бросилась бѣжать вонъ на улицу. Тогда агентъ приказалъ полицейскому вести меня далѣе, а самъ устремился за убѣжавшей незнакомкой.

Оставшись со мной наединѣ, полицейскій взялъ было меня за руку, желая такимъ образомъ вести меня по улицѣ, но я рѣзко воспротивился этому, заявивъ, что я не совершилъ въ Германіи никакого преступленія, и онъ не вправѣ такъ меня третировать.

Зданіе, въ которое мы съ нимъ затѣмъ пришли, оказалось подслѣдственной тюрьмой. Тамъ меня вновь обыскали, и какой-то служитель, впервые съ момента моего ареста, спросилъ меня объ имени и фамиліи. Въ это время появился тотъ же тайный агентъ, ведя за руку убѣжавшую незнакомку. Она навзрыдь плакала и кричала, что она ни въ чемъ не повинна, за что ее срамятъ и проч. Въ связи со всѣмъ мною пережитымъ въ первый же часъ моего приѣзда во Фрейбургъ, сцена эта произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

— Что это такое, закричалъ я, за что вы мучаете эту женщину? Повторяю, она не жена моя, и я ее въ первый разъ вижу.

— Ну, это мы сами разберемъ! Не ваше дѣло, кого мы арестуемъ! грубо отвѣтилъ агентъ.

„Однако, совсѣмъ какъ у насъ въ Россіи“, мысленно произносилъ я, поднимаясь затѣмъ во второй этажъ, вслѣдъ за шедшимъ впереди меня тюремнымъ надзирателемъ. Вотъ раздалось громыханье отпиравшагося замка, и я очутился въ камерѣ, въ которой, послѣ ухода надзирателя, настала полнѣйшая темнота, такъ какъ ни камеры, ни коридоры въ этой тюрьмѣ ночью вовсе не освѣщались.

Замѣтивъ, гдѣ стоитъ кровать, я въ изнеможеніи бросился на нее, не раздвѣваясь. Въ головѣ у меня былъ полнѣйшій хаосъ; мысли путались; я не могъ ничего понять, сообразить. Я чувствовалъ себя сдавленнымъ, пришибленнымъ внезапно свалившимися на меня обстоятельствами. Всю ночь душилъ меня тяжелый кошмаръ; я поминутно просыпался, не будучи въ состояніи сообразить, гдѣ я, что со мною? Когда же, наконецъ, я вспоминалъ все случившееся и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ немъ, то меня охватывалъ ужасъ. Хотя въ Германіи я не совершилъ никакого преступленія и между нею и Россіей въ то время еще не существовало договора о выдачѣ политическихъ преступниковъ*); но я имѣлъ основаніе опасаться, что нѣмцы не откажутся отправить меня на родину. Чтобы мои опасенія и тревоги стали вполнѣ понятны, я долженъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, передать здѣсь нѣкоторыя обстоятельства изъ моего прошлаго.

Ровно десять лѣтъ передъ описываемымъ временемъ, — въ 1874 году, — я, будучи 19-лѣтнимъ юношей, примкнулъ къ

*) Такой договоръ заключенъ осенью 1885 года.

такъ называемому „пропагандистскому“ движенію, которое охватило тогда значительную часть учащейся молодежи въ разныхъ концахъ Россіи. Какъ и у большинства юныхъ пропагандистовъ, во мнѣ говорило, главнымъ образомъ, чувство безграничнаго состраданія къ бѣдственному положенію трудящагося населенія; какъ и другіе, я считалъ своимъ долгомъ, обязательнымъ для каждаго честнаго и послѣдовательнаго человѣка, который любитъ свою родину, по мѣрѣ силъ содѣйствовать освобожденію народа отъ экономическаго гнета, отъ униженія, невѣжества и забитости, въ которыхъ онъ находится. Всегда отзывчивая къ страданіямъ другихъ, тогдашняя молодежь не могла оставаться равнодушной къ угнетенному положенію, въ которомъ находились незадолго передъ тѣмъ освободенные отъ крѣпостной зависимости крестьяне. Но, чтобы освободить трудящіеся классы отъ матеріальныхъ и всякихъ другихъ лишеній и бѣдствій, пропагандисты находили необходимымъ измѣнить социальныя условія Россіи; подобно западно-европейскимъ социалистамъ, они считали нужнымъ уничтожить частную собственность на землю и орудія труда, сдѣлавъ ихъ коллективными. Пропагандисты глубоко вѣрили, что народъ легко пойметъ ихъ идеи и стремленія и охотно къ нимъ присоединится. Эта вѣра до чрезвычайности подняла ихъ духъ, возбудила въ нихъ небывалый энтузіазмъ и способность къ безграничному самопожертвованію. Юноши и молодыя дѣвушки безъ малѣйшихъ колебаній отказывались отъ привилегированнаго своего положенія и предстоявшей каждому изъ нихъ карьеры; они бросали учебныя заведенія, рвали семейныя связи, разставались съ самыми близкими людьми, — все это для того, чтобы отдать себя цѣликомъ, посвятить всѣ свои силы и средства общему дѣлу. Для этого рѣшительно никакія жертвы не казались молодежи сколько-нибудь значительными. Общность взглядовъ, единство цѣли и настроеній связывали всѣхъ пропагандистовъ въ одну тѣсно сплоченную семью. Между нами установились самыя нѣжныя братскія отношенія, въ ихъ средѣ господствовалъ полнѣйшій альтруизмъ, и они готовы были жертвовать всѣмъ другъ за друга. Только въ великія историческія эпохи, во времена подвижничества первыхъ христіанъ и преслѣдуемыхъ сектъ, господствовали между прозелитами подобныя отношенія и настроенія.

Но, какъ и вездѣ это случалось, не у всѣхъ пропагандистовъ указанное настроеніе надолго осталось непоколебимо прочнымъ. Въ ихъ среду также попали нѣкоторые малодушные, а то и прямо низкіе люди, ставшіе въ послѣдствіи реператами. Такихъ людей было, правда, немного. Но давно извѣстно, что сотни самыхъ искусныхъ тайныхъ и явныхъ правительственныхъ агентовъ не въ состояніи принести сторонникамъ преслѣдуемаго направленія такого громаднаго вреда, какъ одинъ измѣнникъ изъ

ихъ собстренной среды. То же, благодаря ренегатамъ, случилось и съ русскими пропагандистами.

Лишь только молодые люди, одѣвшисъ въ крестьянское платье, чтобы стать ближе къ народу, отправились весной 1874 г. въ разныхъ концахъ Россіи по селамъ и деревнямъ для пропаганды идей социализма, какъ уже появилось два-три измѣнника, которые предали общее дѣло и выдали правительству массу лицъ. Тогда начались многочисленныя обыски и аресты; жандармы хватили праваго и виноватаго; тюрьмы и разныя мѣста заключенія были переполнены; около 1000 человекъ было арестовано въ указанномъ году; многіе изъ нихъ, просидѣвъ по нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, кончили жизнь самоубійствомъ, большое число было сошедшихъ съ ума, процентъ заболѣваній и смертности оказался громаднымъ.

Вполнѣ естественно, поэтому, что предатели вызывали къ себѣ со стороны социалистовъ чувства глубокой ненависти и злобы. Причиненный ими вредъ неволью наталкивалъ многихъ пропагандистовъ на мысль о мести, о необходимости расправы съ ними, чтобы, дѣйствуя устрашающимъ образомъ, удерживать другихъ отъ предательства. Но въ теченіе первыхъ лѣтъ подобныя взгляды не выходили изъ области теоріи, такъ какъ пропагандисты были крайне мирными людьми. Только лѣтомъ 1876 г. впервые произведена была попытка подобной расправы. Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія.

Въ Елисаветградѣ собрался на время извѣстный тогда на югѣ довольно большой кружокъ „киевскихъ бунтарей“, въ число членовъ котораго и я входилъ*). Между многими „нелегальными“, составлявшими этотъ кружокъ, было нѣсколько человекъ, которыхъ полиція энергично разыскивала, вслѣдствіе оговоровъ между прочимъ, и Н. Гориновича. Послѣдній, будучи арестованъ въ 1874 году и, по тому времени сильно скомпрометированъ, сталъ вскорѣ выдавать все, что зналъ и, повредивъ такимъ образомъ нѣкоторымъ лицамъ, добился освобожденія изъ тюрьмы. Какъ и другихъ ренегатовъ, его навѣрно также никто не сталъ бы трогать, если бы онъ совершенно оставилъ революціонную среду. Онъ же, по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ освобожденія, вновь сталъ пробираться въ нее. Познакомившись какимъ-то путемъ съ неопытными юношами и, конечно, не сообщивъ имъ о своемъ ренегатствѣ, Гориновичъ узналъ отъ нихъ, что въ Елисаветградѣ находится извѣстный кievскій кружокъ. Тогда онъ, подъ вымышленнымъ именемъ, явился въ этотъ городъ и сталъ разыскивать именно тѣхъ нелегальныхъ, которыхъ онъ же ого-

*) Подробности объ этомъ кружкѣ можно найти въ „Воспоминаніяхъ“ Дебагорія-Мокривича, хотя, къ сожалѣнію, въ нихъ имѣются нѣкоторыя неточности.

ворилъ. Но Гориновичъ былъ узнанъ нами, и у нѣкоторыхъ изъ насъ естественно явилось подозрѣніе, что онъ прїѣхалъ въ Елисаветградъ съ намѣреніемъ указать полиціи имъ скомпрометированныхъ лицъ. Тогда я съ однимъ товарищемъ рѣшили убить его. Не желая дѣлать этого въ Елисаветградѣ, гдѣ полиція легко могла бы напасть на слѣдъ, мы предложили Гориновичу отправиться съ нами въ Одессу подъ предлогомъ, что тамъ находятся разыскиваемые имъ лица. Онъ согласился. Не буду распространяться объ этомъ несчастномъ дѣлѣ*). Скажу лишь, что Гориновичъ, страшно изуродованный, остался живъ. Онъ разсказалъ полиціи о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ покушеніе на его жизнь. Начались энергичные розыски и аресты. Осенью слѣдующаго года я, вмѣстѣ съ другими лицами, былъ арестованъ по такъ называемому „Чигиринскому дѣлу“. Но весной 1878 года мнѣ, Стефановичу и Бохановскому удалось бѣжать изъ кїевской тюрьмы.

Между тѣмъ, судъ надъ обвиняемыми по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича состоялся лишь въ концѣ ноября 1879 г. въ періодъ разгара краснаго и бѣлаго террора. Послѣ цѣлаго ряда террористическихъ фактовъ, направленныхъ противъ разныхъ должностныхъ лицъ, революціонеры въ то время сосредоточили все свое вниманіе на убійствѣ Александра II-го. На террористическіе факты правительство отвѣчало изданіемъ исключительныхъ законовъ, военными судами и казнями лицъ, нерѣдко совершенно непричастныхъ къ этого рода дѣятельности. За нѣсколько дней до начала суда надъ арестованными по дѣлу о покушеніи на Гориновича, когда имъ уже былъ выданъ обвинительный актъ, подводившій ихъ подъ сравнительно незначительныя наказанія, террористами произведенъ былъ девятнадцатаго ноября подъ Москвой взрывъ поѣзда, въ которомъ какъ предполагалось, долженъ былъ ѣхать царь. Свою злость за этотъ фактъ правительство выместило на пяти обвиняемыхъ по дѣлу о покушеніи на Гориновича. Хотя изъ числа ихъ всего лишь одно лицо принимало участіе въ этомъ дѣлѣ, и всѣ подсудимые были арестованы за 2-3 года до начала террористическаго движенія, а, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могли являться за него отвѣтственными, но судъ отвѣтилъ на взрывъ поѣзда подъ Москвой жестокимъ приговоромъ надъ совершенно непричастными лицами: Дробязгинъ, Малинка и Майданскій были повѣшены въ Одессѣ 3-го декабря, Костюринъ и Янковскій были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а предатель Θεодоръ Курицынъ**) оправданъ. Въ случаѣ ареста

*) Интересующійся подробностями можетъ обратиться къ къ Туну „Ист. револ. движ. въ Россіи“.

**) Студентъ Харьк. Ветерин. Института Θ. Курицынъ былъ арестованъ весной 1877 года въ Одессѣ. Въ тюрьмѣ онъ сталъ

меня ждала тяжелая участь. Но въ началѣ 1880 года я эмигрировалъ за границу, гдѣ оставался на свободѣ до вышеописаннаго происшествія во Фрейбургѣ. Понятно теперь, почему меня такъ страшилъ этотъ арестъ.

Въ Германіи, какъ и во веѣхъ цивилизованныхъ странахъ, существуетъ законъ, въ силу котораго нельзя арестованнаго держать подъ стражей болѣе однихъ сутокъ безъ постановленія судьи. Но, вѣроятно, потому, что я былъ иностранцемъ, меня повели къ судѣ почти двое сутокъ спустя послѣ ареста. Задавъ обычные вопросы о моемъ имени, званіи и проч., судья объявилъ мнѣ, что, какъ иностранецъ, личность котораго не можетъ быть немедленно удостовѣрена, я долженъ остаться подъ стражей. При этомъ онъ утѣшилъ меня поясненіемъ, что я имѣю право обжаловать его постановленіе, но тутъ же прибавилъ, что это ни къ чему не приведетъ. Поданная мною жалоба дѣйствительно была оставлена безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, и послѣ этого допроса я столь же мало зналъ о причинѣ моего ареста, какъ и до него. Не меньше прежняго я терялся въ догадкахъ; какъ и раньше у меня по этому поводу являлись всевозможныя предположенія. Неопредѣленность положенія вообще тяжела для всякаго человѣка, но она даетъ себя особенно сильно чувствовать лицамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Для меня же неизвѣстность становилась просто невыносимой. Только по прошествіи трехъ сутокъ со дня ареста меня впервые повели въ камеру слѣдователя. Послѣ повторенія вновь обычныхъ вопросовъ, онъ спросилъ меня, извѣстна ли мнѣ причина моего ареста? На мой отрицательный отвѣтъ онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда, изъ Базеля же пріѣзжали двое — одинъ швейцарецъ и полякъ Яблонскій, которые, такъ же какъ и я, остановились въ гостинницѣ „Freiburgerhof“ и тоже привезли съ собою въ ящикахъ много книгъ. Книги эти они затѣмъ по почтѣ отправили въ Бреславль на адресъ одного

предателемъ, о чемъ никто изъ товарищей не подозрѣвалъ. Онъ не только выдалъ все, что зналъ, но, бесѣдуя съ вновь прибывшими, узнавалъ о томъ, что дѣлается на волѣ, и немедленно передавалъ узнанное жандармамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе его предательства, казнены были его сопроцессники, а также многіе другіе — Лизогубъ, Чубаровъ, Давиденко, Гобстъ, Виттенбергъ, еще большее число оговоренныхъ имъ лицъ было отправлено въ каторжныя работы. Вслѣдствіе этотъ господинъ въ качествѣ ветеринарнаго врача, говоритъ, разыгрывалъ изъ себя либерала и при отъѣздѣ изъ Саратова ему были устроены даже торжественныя проводы (см. „Искру“). Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ начальникомъ ветеринарной части въ Туркестанскомъ краѣ.